



Войду ли я под свод преображенный,  
Твоей рукою в небо превращенный,  
Чтоб остудился мой постылый жар?..

Там стану я блаженною навеки  
И, раскаленные смежая веки,  
Там снова обрету я слезный дар.

*А. Ахматова, 1924*

## UT PICTURA POESIS

\* **Поэзия как живопись (лат.).**

*М. В. Добужинскому*

Воспоминанье, острый луч,  
преобрази мое изгнание,  
пронзи меня, воспоминанье  
о баржах петербургских туч  
в небесных ветреных просторах,  
о закоулочных заборах,  
о добрых лицах фонарей...  
Я помню, над Невой моей  
бывали сумерки, как шорох  
тушующих карандашей.

Все это живописец плавный  
передо мною развернул,  
и, кажется, совсем недавно  
в лицо мне этот ветер дул,  
изображенный им в летучих  
осенних листьях, зыбких тучах,  
и плыл по набережной гул,  
во мгле колокола гудели —  
собора медные качели...

Какой там двор знакомый есть,  
какие тумбы! Хорошо бы  
туда перешагнуть, пролезть,  
там постоять, где спят сугробы  
и плотно сложены дрова,  
или под аркой, на канале,  
где нежно в каменном овале  
синеют крепость и Нева.

*В. Набоков, 1926*

## ИМПРЕССИОНИЗМ

Художник нам изобразил  
Глубокий обморок сирени  
И красок звучные ступени  
На холст, как стружья, положил.

Он понял масла густоту —  
Его запекшееся лето  
Лиловым мозгом разогрето,  
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень все лиловойй,  
Свисток иль хлыст, как спичка, тухнет,—  
Ты скажешь: повара на кухне  
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,  
Недомалеваны вуали,  
И в этом солнечном развале  
Уже хозяйничает шмель.

*О. Мандельштам, 1932*

\* \* \*

В детстве у меня была картинка,  
Точно пламя спирта, голубая:  
Синевой размытая каюта,  
И раскрытый в ширь иллюминатор,

И спокойный человек в коротком  
Голубом камзоле чуть откинул  
Пудреную голову, подставив  
Блеску утра вырезные губы...

Я его во сне видал подолгу,  
Я — и так бывало — ночью плакал,  
Что не быть мне в голубом камзоле,  
Что вот так не изогнутся губы.

А теперь, теперь я тихо знаю,  
Что и он, плывя от бурь Конвента  
К ясным берегам Луизианы,  
С болью думал обо мне, грядущем.

*Г. Шенгели, 1938*

## ЖИВОПИСЦЫ

Живописцы, окуните ваши кисти  
в суету дворов арбатских и в зарю,  
чтобы были ваши кисти словно листья.  
Словно листья, словно листья к ноябрю.

Окуните ваши кисти в голубое,  
по традиции забытой городской,  
нарисуйте и прилежно и с любовью,  
как с любовью мы проходим по Тверской.

Мостовая пусть качнется, как очнется!  
Пусть начнется, что еще не началось!  
Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...  
Что гадать нам: удалось — не удалось?

Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы,  
наше лето, нашу зиму и весну...  
Ничего, что мы — чужие. Вы рисуйте!  
Я потом, что непонятно, объясню.

*Б. Окуджава, 1959*

## ПОРТРЕТ

Любите живопись, поэты!  
Лишь ей, единственной, дано  
Души изменчивой приметы  
Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,  
Едва закутана в атлас,  
С портрета Рокотова снова  
Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза — как два тумана,  
Полуулыбка, полуплач,  
Ее глаза — как два обмана,  
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,  
Полувосторг, полуиспуг,  
Безумной нежности припадок,  
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают  
И приближается гроза,  
Со дна души моей мерцают  
Ее прекрасные глаза.

*Н. Заболоцкий, 1953*

### **ИЕРОНИМ БОСХ**

Я завещаю правнукам записки,  
Где высказана будет без опаски  
Вся правда об Иерониме Босхе.  
Художник этот в давние года  
Не бедствовал, был весел, благодушен,  
Хотя и знал, что может быть повешен  
На площади, перед любой из башен,  
В знак приближенья Страшного суда.

Однажды Босх привел меня в харчевню.  
Едва мерцала толстая свеча в ней.  
Горластые гуляли палачи в ней,  
Бесстыжим похваляясь ремеслом.  
Босх подмигнул мне: "Мы явились, дескать,  
Не чаркой стукнуть, не служанку тискать,  
А на доске грунтованной на плоскость  
Всех расселить в засол или на слом".

Он сел в углу, прищурился и начал:  
Носы приплюснул, уши увеличил,  
Перекалечил каждого и скрючил,  
Их низость обозначил навсегда.  
А пир в харчевне был меж тем в разгаре.  
Мерзавцы, хохоча и балагурия,  
Не знали, что сулит им срам и горе  
Сей живописи Страшного суда.

Не догадалась дьяволова паства,  
Что честное, веселое искусство  
Карает воровство, казнит убийство.  
Так это дело было начато.  
Мы вышли из харчевни рано утром.  
Над городом, озлобленным и хитрым,  
Шли только тучи, согнанные ветром,  
И загибались медленно в ничто.

Проснулись торгаши, монахи, судьи.  
На улице калякали соседи.  
А чертенята спереди и сзади  
Вели себя меж них как Господа.  
Так, нагло раскорячась и не прячась,  
На смену людям вылезала нечисть  
И возвещала горькую им участь,  
Сулила близость Страшного суда.

Художник знал, что Страшный суд напишет,  
Пред общим разрушеньем не опешит,  
Он чувствовал, что время перепашет  
Все кладбища и пепелища все.  
Он вглядывался в шабаш беспримерный  
На черных рынках пошлости всемирной.  
Над Рейном, и над Темзой, и над Марной  
Он видел смерть во всей ее красе.

Я замечал в сочельник и на пасху,  
Как у картин Иеронима Босха  
Толпились люди, подходили близко  
И в страхе разбежались кто куда,  
Сбегались вновь, искали с ближним сходство,  
Кричали: "Прочь! Бесстыдство! Святотатство!"  
Во избежанье Страшного суда.

*П. Антокольский, 1957*

### **ПАУЛЬ КЛЕЕ**

Жил да был художник Пауль Клее  
Где-то за горами, над лугами.  
Он сидел себе один в аллее  
С разноцветными карандашами,

Рисовал квадраты и крючочки,  
Африку, ребенка на перроне,  
Дьяволенка в голубой сорочке,  
Звезды и зверей на небосклоне.

Не хотел он, чтоб его рисунки  
Были честным паспортом природы,  
Где послушно строятся по струнке  
Люди, кони, города и воды,

Он хотел, чтоб линии и пятна,  
Как кузнечики в июльском звоне,  
Говорили слитно и понятно.  
И однажды утром на картоне

Проступили крылышки и темя:  
Ангел смерти стал обозначаться.  
Понял Клее, что настало время  
С музой и знакомыми прощаться.

Попрощался и скончался Клее.  
Ничего не может быть печальней!  
Если б Клее был намного злее,  
Ангел смерти был бы натуральней,

И тогда с художником все вместе  
Мы бы тоже сгнули со света,  
Порастряс бы ангел наши кости!  
Но скажите мне: на что нам это?

На погосте хуже, чем в музее,  
Где порой вы бродите, живые,  
И висят рядом картины Клее —  
Голубые, желтые, блажные...

*А. Тарковский, 1957*

## СОНЕТ

Давно то было. Смутно помню лето,  
Каналов высохших бродивший сок  
И бархата спадающий кусок —  
Разодранное мясо Тинторетто.  
С кого спал? Не помню я сюжета.  
Багров и ржав, как сгусток всех тревог  
И всех страстей, валялся он у ног.  
Я всё забыл, но не забуду это.  
Искусство тем и живо на века —  
Одно пятно, стихов одна строка  
Меняют жизнь, настраивают душу.  
Они ничтожны — в этот век ракет,  
И непреложны — ими светит свет.  
Всё нарушал. Искусства не нарушу.

*И. Эренбург, 1966*

## МАРК ШАГАЛ

Он стар,  
он похож на свое одиночество,  
ему рассуждать о погоде не хочется.  
Он сразу — с вопроса:  
— А вы не из Витебска?..  
Пиджак старомодный на лацканах вытерся...  
Нет, я не из Витебска...  
Долгая пауза.  
А после — слова монотонно и пасмурно:  
— Тружусь и хвораю...  
В Венеции — выставка...  
Так вы не из Витебска?...  
— Нет, я не из Витебска...

Он в сторону смотрит.  
Не слышит, не слышит.  
Какой-то нездешней далекостью дышит,  
пытаясь до детства  
дотронуться бережно...  
И нету ни Канн, ни Лазурного берега,  
ни нынешней славы...

Светло и растерянно  
он тянется к Витебску, словно растение...  
Тот Витебск его — пропыленный и жаркий —  
приколот к земле каланчою пожарной.  
Там свадьбы и смерти, моления и ярмарки,  
там зреют особенно крупные яблоки  
и сонный извозчик по площади катит...  
— Так вы не из Витебска?..  
Деревья стоят  
вдоль дороги навытяжку.  
Темнеет...  
...И жалко,  
что я не из Витебска.

*Р. Рождественский, 1982*

## ИМПРЕССИОНИЗМ

Открываешь сигарный ларец,  
и летит — через студию — вдруг,  
щебеча по-японски, птенец  
за одну из открытых фрамуг  
на цветущие вишни в саду  
окружном, и о том его речь,  
чтобы свежие краски во льду,  
как невиданных устриц, беречь.  
Кто прославленный завтрак у ног  
покаянно раздевшихся дам  
до Второго пришествия смог  
растянуть в искупление нам  
и по Лете отправился вплавь  
прямо в блузе апаш из пике —  
тот у глаз мельтешившую явь,  
как осу, удержал в кулаке.

*Ю. Кублановский, 1987*